

В общем Мольер не подходил под среднюю норму вкуса, он был слишком характерен, грубоват, даже местами низок, его не сдерживали третъесословные предрассудки, честь мундира третьего сословия ему еще не была дороже радости художественного открытия в области смешного.

С наибольшей остротой третъесословное, предреволюционное недовольство Мольером выразил Руссо в известном письме к Д'Аламберу. Не останавливаясь на частностях, Руссо с наибольшей заинтересованностью критикует «Мизантропа». Именно потому, что в этом мольеровском герое он видит прообраз трибунов и борцов третьего сословия, Руссо с такой страстью обвиняет Мольера в несправедливости к Альцесту: «Вы не сможете отрицать двух вещей: во-первых, того, что Альцест в этой пьесе есть человек прямой, искренний, достойный уважения, истинно порядочный человек, во-вторых, того, что автор делает его комическим персонажем. На мой взгляд, этого достаточно, чтобы считать вину Мольера непростительной».⁴

Итак, главная вина Мольера перед искусством и обществом в том, что он сделал Альцеста смешным, тогда как Руссо видит в нем трибуна и борца, проникнутого возвышенной страстью: эта страсть — непримиримая ненависть к порокам, рожденная пылкой любовью к добродетели и обостренная постоянным зрелищем человеческой злобы. Только душе великой и благородной доступны такие порывы.

«Великое и благородное» не может и не должно смешить. Эта мысль Руссо лежит в основе всего европейского искусства предреволюционного времени. И Фонвизин, и Шиллер в одинаковой степени убеждены, что изображение великого и благородного не терпит примеси смешного, не может возбуждать смех, не разрушая силы высоких чувств.

Фонвизин в «Недоросле» строго придерживается этого закона эстетики классицизма, и в результате такой тщательной фильтрации добродетельные герои «Недоросля» лишились не только каких-либо элементов смешного, но каких бы то ни было индивидуально-характерных черт, всякой жизненной убедительности.

Руссо не только указал на «ошибку» Мольера, он от себя предложил несколько вариантов новой пьесы о мизантропе, которую следовало бы написать.

Автор одной из комедий, написанных во время революции, как будто последовав совету Руссо, прокорректировал мольеровского «Мизантропа». Это был Фабр д'Эглантин; комедия его называлась «Мольеров Филит» (1790).⁵

Русская комедия 1800-х и особенно 1810-х годов по-своему отнеслась к мольеровскому наследию. Обычное представление о том,

⁴ Ж.-Ж. Руссо. Об искусстве. Изд. «Искусство», Л.—М., 1959, стр. 138.

⁵ См. о ней: O. F. Fellows. French opinion of Moliere. U.S.A. Brown university, Providence, 1937, стр. 12—13.